

3-й годъ изданія.

ГЕРМЕСЪ,

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ ВѢСТНИКЪ
АНТИЧНАГО МІРА.

15 декабря № 20 (46) 1909 г.

Журналъ выходитъ въ началѣ и срединѣ каждого мѣсяца, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Подписная цѣна: за годъ (съ 1 января)—5 р., за полгода 3 рубля, съ доставкою и пересылкою. Отдѣльные номера по 30 к.

Отвѣтственные редакторы: *А. И. Малеинъ* и *С. О. Цыбульскій*.

Адресъ Редакціи: СПБ., Невскій, № 32 (кв. 59).

Открыта подписка на 1910 годъ. Условія прежнія.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями непосредственно въ редакцію.

Идя на встрѣчу предложенію гг. новыхъ подписчиковъ, пожелавшихъ получить прежніе выпуски журнала за удешевленную плату, редакція согласна уступить 1-й томъ Гермеса за 1 р., 2-й и 3-й вмѣстѣ за 3 р., 4-й и 5 за 4 р.

Die grossen Erzieher. Ihre Persönlichkeit und ihre Systeme. Herausgegeben von Dr. Rudolf Lehmann. II Band. Aristoteles von O. Willmann. Berlin 1909.

Работая для своихъ лекцій по исторіи педагогики и перечитывая различныя монографіи, трактующія объ отдѣльныхъ мыслителяхъ, и труды, излагающіе связную исторію развитія педагогической работы въ смѣнѣ вѣковъ, я всегда искренно удивлялся, какъ бѣдна научная литература, посвященная такому гениальному и всеобъемлющему мыслителю, какъ Аристотель. Я говорю не только про русскую ученую литературу, но и въ нѣмецкой педагогикѣ теоріей Платона занимаются гораздо больше, чѣмъ великимъ Стагиритомъ. Любопытно отмѣтить, что въ такомъ солидномъ трудѣ, какъ педагогическая энциклопедія Рейна, въ ея новомъ изданіи, читатель подъ словомъ „Aristoteles“ найдетъ лишь лаконическую помѣтку: „s. Griech. Unterricht“.

§§ говорить объ исторіи 2 похода 395 г., а остальные 14 посвящаетъ похва-
ламъ Аг., между тѣмъ какъ P. col. XVIII—XXI даетъ подробный очеркъ.
Вопросъ объ авторѣ рѣшается въ пользу Кратиппа.

E. M. Walker (Clio VIII p. 356 sq.) соглашается съ хронологіей изда-
телей; установивъ, что Эфоръ безусловно пользовался P., но не есть авторъ
его, онъ разбираетъ вопросъ о Θεοπομπῆ. Высказавъ предположеніе, что несо-
вмѣстимо существованіе Hellenica и Philippica, онъ отказывается отъ Θ. и
утверждаетъ, что авторъ Кратиппъ. Его же мнѣнія держится и Goligher
(Engl. hist. review. apr. 08).

U. Wilcken (Hermes 43 p. 475 sq.) стоитъ за Θεοπομπα. Путемъ
восполненій ему удается получить текстъ, близкій къ цитатѣ Страбона
XIII p. 629. Его теорія мало вѣроятна.

Bisolt (Hermes 43 p. 355 sq.) сравниваетъ ходъ разсказа у Кс. и у P.,
устанавливаетъ страсть P. къ преувеличеніямъ, неточностямъ, риторично-
сти и т. д. и приходитъ къ заключенію, что весь разсказъ P. о походѣ
Агесилая на Сарды вымышленъ и что разсказъ о локро-фокейской войнѣ
отличается крайней подозрительностью. Самой цѣнной частью P. онъ счи-
таетъ изложеніе беотійской конституціи. Онъ стоитъ за Кратиппа.

G. de Sanctis приводитъ цѣлый рядъ доводовъ противъ Эфора,
Θεοπομπα и Кратиппа и утверждаетъ, что авторъ P. аттидографъ Андро-
тионъ, но аргументація его довольно шатка.

С. П. Шестаковъ (Ж. М. Н. П. 1909 г. ноябрь—декабрь) даетъ об-
стоятельный сводъ извѣстной доселѣ литературы и склоненъ признать авто-
ромъ P. Кратиппа.

З. Диль.

И. Θ. Анненскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

Внезапно скончавшійся 30-го ноября Иннокентій Θεοδοоровичъ Ан-
ненскій принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей нашего
времени. Правда, его имя въ такъ называемыхъ „широкихъ кругахъ“
полуинтеллигентнаго русскаго общества было еле извѣстно, да и то
обыкновенно смѣшивалось съ именемъ брата его, публициста и об-
щественнаго дѣятеля—Николая Θεοδοоровича; тѣмъ цѣннѣе, быть мо-
жетъ, былъ онъ людямъ близкимъ ему по дѣятельности и культур-
нымъ интересамъ. Въ послѣднее время судьба нѣсколько улыбнулась
ему: первая часть его „Театра Еврипида“ была издана и удостоилась
особой рекомендаціи Министерства; годъ назадъ онъ былъ избранъ
профессорской корпораціей Высшихъ женскихъ курсовъ Н. П. Раева

на кафедрѣ греческой литературы; наконецъ, почти на-дняхъ онъ сталъ
однимъ изъ руководителей сразу получившаго большую (хотя и свое-
образную) извѣстность новаго журнала—„Аполлонъ“. Но смерть сто-
рожила его: не обладая вообще крѣпкимъ здоровьемъ, покойный на-
трудилъ свое сердце кипучей работой, и оно не выдержало.

Отлично окончивъ
С.-Петербургскій уни-
верситетъ, И. Θ. на-
чалъ службу препода-
вателемъ русской сло-
весности въ гимназій
Я. Г. Гуревича, а по-
томъ и въ Елизаветин-
скомъ Институтѣ. Об-
ладая необыкновен-
нымъ даромъ слова,
идеалистически на-
строенный, до мелочей,
до тонкости знающій
европейскую и русскую
литературу,—онъ былъ
кумиромъ своихъ уче-
никовъ и ученицъ,
тѣмъ болѣе, что къ
даннымъ внутреннимъ
присоединялись и бле-
стящія внѣшнія дан-
ныя: одухотворенно—
красивая наружность
и чарующее благород-

ство въ обращеніи. Часть своихъ тогдашнихъ думъ и вдохновеній, вызван-
ныхъ русской литературой, онъ напечаталъ въ нѣкоторыхъ журналахъ,
но это была ничтожная доля того, что онъ могъ дать: уже уйдя почти на
двадцать лѣтъ въ литературу классическую, греческую, онъ время отъ
времени дарилъ своей молодой аудиторіи такіе экскурсы въ область рус-
ской поэзіи (А. Н. Майковъ, Пушкинъ и Царское Село, Художественный
идеализмъ Гоголя), которые по оригинальности и изяществу мысли и
формы останутся надолго въ педагогической литературѣ. Нужно еще
удивляться, откуда онъ бралъ время и силы для литературной работы:
имѣя, при слабости съ самаго дѣтства здоровья, до 56 уроковъ въ не-
дѣлю, онъ только чудомъ уцѣлѣлъ къ двѣнадцатому году службы,
когда его назначили директоромъ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ.

Условія жизни и службы здѣсь оказались еще менѣе благоприятными для его литературно-научныхъ занятій; по счастью, скоро (черезъ два года) онъ былъ переведенъ въ Петербургъ директоромъ 8-й гимназіи. Преподавательскій составъ послѣдней и ученики окружили его своего рода культомъ: развернувшееся поэтическое дарованіе его, необыкновенно разнообразныя и широкіе культурные интересы и джентльменски деликатное обращеніе—создали связи, продолжавшіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ до самой смерти И. Э., хотя онъ пробылъ въ 8-й гимназіи всего три года. Здѣсь онъ началъ свой стихотворный переводъ Еврипида: сначала были изданы отдѣльной книгой „Вакханки“, а затѣмъ въ Журналѣ М. Н. Пр. былъ напечатанъ „Ресъ“; послѣдній тогда же съ величайшею любовью и большимъ талантомъ былъ разыгранъ на ученическомъ спектаклѣ.

Переведенный въ 1896 году на должность директора Царскосельской гимназіи, И. Э. нашель настолько благоприятныя для работы условія, что, за девять лѣтъ его службы здѣсь, Еврипидъ былъ конченъ

Пишущій эти строки имѣлъ счастье быть сотрудникомъ И. Э. въ этой гимназіи, и потому ему хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о данномъ періодѣ жизни почившаго и о нашей работѣ съ нимъ. Около И. Э. собралась группа преподавателей, изъ коихъ нѣкоторые извѣстны и за предѣлами средней школы, какъ С. О. Цыбульскій, проф. Б. В. Варнеке, прив.-доц. П. П. Митрофановъ; другіе принадлежать къ числу выдающихся современныхъ педагоговъ (Р. Н. Геппенеръ—теперь и. д. директора Приюта Принца Ольденбургскаго, Вл. И. Орловъ—нынѣ инспекторъ гимназіи Е. С. Левицкой, Д. А. Судовскій и др.). Какъ въ педагогѣ, мы цѣнили въ Иннокентіи Федоровичѣ одно его незамѣнимое качество: онъ давалъ полную свободу индивидуальнымъ наклонностямъ каждаго преподавателя въ его дѣлѣ, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, такимъ образомъ послѣдній легче всего можетъ и самъ развиться, и ученикамъ принести пользу. Какъ принципъ, — можетъ быть, это и опасно. Но въ нашей семьѣ, у большинства, по крайней мѣрѣ, отъ этого дѣло только выигрывало: къ любимому вопросу или отдѣлу курса относишься при этой свободѣ еще съ большею любовью и, при извѣстной добросовѣстности, поднимаешь интересъ въ ученикахъ гораздо большій, чѣмъ при одномъ формальномъ исполненіи программъ. Оттого С. О. Цыбульскій могъ увлекательно просвѣщать своихъ учениковъ въ области античной скульптуры, археологіи и музыки, Б. В. Варнеке могъ услаждать ихъ своимъ мастерскимъ чтеніемъ произведеній Чехова; Б. Н. Александровъ занимался съ учениками изученіемъ римской государственной жизни, авторъ настоящей замѣтки дѣлалъ попытки ознакомить ихъ съ исторіей новаго

искусства и т. д. Теперь насъ судьба разбросала, и только дорогая могола на минуту соединила 3-го декабря.

Время отъ времени И. Э. устраивалъ намъ и своимъ многочисленнымъ петербургскимъ друзьямъ особый праздникъ: по мѣрѣ окончанія онъ читалъ свои переводы трагедій Еврипида. Я думаю, никто изъ посѣтителей не забудетъ во всю жизнь его краснаго кабинета въ такіе вечера: увѣшанный безчисленнымъ количествомъ фотографій памятниковъ искусства, заставленный двухъ-этажными книжными полками, онъ былъ полонъ особаго настроенія, одухотвореннаго, артистически-изысканнаго. Задумчивый бюстъ Еврипида и гениально безобразная голова Сократа, казалось, тоже готовы были внимать, — однимъ—своимъ стихамъ, другой—своимъ софизмамъ. Самъ хозяинъ, — своимъ шевленіемъ обыкновеннаго, своеобразно-красиво декламируетъ свои ямбы, въ которые перелился родственникъ ему по духу „трагичнѣйшій“ изъ греческихъ поэтовъ, такъ много говорящій современному читателю. Самая софистика поэта и его діалектическія ухищренія еще выигрываютъ въ переводѣ такого тонкаго цѣнителя стили, какъ И. Э., отравленный французскими стилистами „конца вѣка“. Боязнь утратить, не выразивъ или не замѣнивъ подобнымъ, всегда стильнымъ, малѣйшій оттѣнокъ мысли или чувства, собственное тяжелое переживаніе души, гибкое умѣнье передать музыку хоровыхъ частей трагедіи (не говоря ужъ о научной подготовленности автора къ этому дѣлу)—вотъ, что заставляетъ эти переводы приравнять къ тѣмъ, которыми обезсмертилъ себя въ исторіи русской литературы Жуковскій. И. Э. всегда говорилъ, что великій писатель живетъ въ поколѣніяхъ своихъ читателей и каждая эпоха по своему его понимаетъ, находя въ немъ — опять-таки каждая свои—отвѣты и отзвуки: онъ шутя прибавлялъ, что Еврипидъ перевоплотился въ него. Вотъ этого-то перевоплощеннаго и потому близкаго, родного намъ Еврипида мы теперь и имѣемъ. (Къ слову сказать, пока изданъ лишь одинъ томъ его „Театра“, но цѣликомъ готовъ третій, оконченъ также и второй, кромѣ одной вводной статьи). До чего сжился и слился И. Э. съ Еврипидомъ, видно изъ того, что онъ попробовалъ свои силы въ восстановленіи четырехъ утраченныхъ для насъ трагедій этого поэта, отъ которыхъ дошли одни фрагменты (Меланиппа-Философъ, Царь Иксіонъ, Лаодамія и Эамира-киваредъ; первыя двѣ изданы отдѣльно).

Французскіе символисты, которыхъ И. Э. такъ же изучилъ, какъ и своего Еврипида, и которыми онъ такъ же до дна своей многогранной души былъ завоеванъ и навсегда уязвленъ, — влекли его въ инныя области переживаній и на другіе пути литературной работы: къ попыткамъ усвоить русской публикѣ ядовитый ароматъ ихъ творчества

(переводы изъ Бодлера, Верлена и др. и оригинальныя стихотворенія того-же характера въ сборникѣ „Тихія пѣсни“, изданномъ въ 1904 году подъ псевдонимомъ Ник. Т—о, т. е. Никто) и къ новому обращенію мыслей къ русской литературѣ—въ двухъ „Книгахъ отраженій“. Къ стыду русской публики, эти книги прошли незамѣченными: авторъ былъ слишкомъ изысканъ, тонокъ и капризенъ для нея въ своихъ стихахъ, а своеобразная попытка эстетической критики не могла быть по вкусу ей, привыкшей къ элементарной простотѣ мысли и стилия русскихъ „критиковъ“, по давней традиціи заботящихся больше объ исправленіи и обличеніи общества по поводу произведеній писателя, чѣмъ объ оцѣнкѣ и опредѣленіи ихъ художественныхъ достоинствъ.

Послѣдніе 3½ года И. Θ. былъ окружнымъ инспекторомъ Спб. Учебнаго Округа, и своимъ тактомъ и благородствомъ, обширнымъ и глубокимъ образованіемъ оставилъ неизгладимую память во всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ по службѣ. Умеръ онъ въ самомъ расцвѣтѣ силъ—54 лѣтъ.

Ар. Мухинъ.

Новѣйшія изслѣдованія въ области критско-микенской культуры.

Окончаніе *).

Въ заключеніе мнѣ желательно было бы упомянуть еще о нѣсколькихъ работахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ критско-микенскаго искусства. А. Jolles въ статьѣ Die ägyptisch-mykenischen Prunkgefäße (Jahrb. des K. D. Arch. Instituts XXIII, 3. 4. 1908) изслѣдуетъ происхожденіе орнамента на краю сосудовъ изъ пластическихъ изображеній цвѣтовъ и т. д.; А. Reichel въ статьѣ Stierspiele in der kretisch-mykenischen Cultur (Mitt. des K. d. Arch. Instituts, Athen. Abt. XXXIV, 1—2, 1909), отмѣчая поразительную распространенность мотива ловли быковъ въ произведеніяхъ интересующаго насъ искусства, заключаетъ о былой интенсивности этого спорта (94 f.) и ссылается на рудименты его у нынѣшнихъ южныхъ французовъ и испанцевъ, но склоненъ, впрочемъ, придать ему религиозное значеніе (99). Срв. его же статью: Studien z. kretisch-myken.

*) См. Герм. № 17, 18 и 19 1909 г.